

Когда общаешься с Ниной Горлановой, внимаешь ею транслируемым словесным фигурам, поражаешься тому, сколько бед и забот может сразу свалиться на одного человека. Одну частица космоса. Которая от всего этого должна просто взорваться. Разлететься на триста кусков в разные стороны. Пока она отдавалась прозе — так и было. Быт, тяжёлый — давящий — угнетающий быт не давал быть. Собой, писателем, человеком. Быт

вёл за собой, тыкал корявым пальцем с обгрызенным ногтем в белые листы ещё не омрачённой бумаги и требовал: «Эй, ты, пиши сюда! Пиши обо мне! Остальное несущественно!» Некоторые утверждают, что горлановская проза представляет запись реальных событий и некоторого количества разговоров: «А вот это я сказала... А тут у него такая реплика была... А потом мы ещё выпили...» В общем, репортаж с петлёй быта на шее.

Затем появились картинки. Писательница стала создавать акварельки-гуаши-маслёнки вроде бы самого бесхитростного вида. Они поражали и сами по себе и, особенно, — рядом с прозой того же автора. Поражали лёгкостью, воздушностью, летучестью. Мир в них отражался не бытовой, а чудесный. Рыбы (огромное количество самых разных цветов-оттенков-размеров) были не теми рыбами из захудалых провинциаль-

ных гастрономов, которые могли употреблять в «процессе поглощения питательных веществ» (именно так!) персонажи рассказов. Это сказочные водные существа, плещущиеся в яркой стихии, а если и попадающие на человеческий стол, то вкусные (никак не меньше!).

Ахматова в горлановских портретах больше похожа на циркачку французской или итальянской труппы эксцентриков, чем на невскую заунывную полумонахиню, много чего понимающую в этой грешной жизни — такова старательно продуманная авторская аватара одесситки Анны Горенко. В Дягилеве той же кисти — никакого декаданса, мирикусуничества, модерна. Сплошной фовизм, ирония, экспрессия. И по всей горлановской живописи шагал Шагал с бокалами Пиросмани и подсолнухами Ван Гога в добрых руках. В общем-то, не будем делать прохладную мину отстранения и перебирать чётки структурализма, тут мы честно признаёмся в предвзятости: этот мир нам ближе, роднее, интереснее. В нём хочется жить.

А потом появилась поэзия того же автора. Возможно, она и раньше была, но где-то под спудом. И вдруг — прорвало. Вроде бы, ещё с 1986-го идут стихотворные публикации в толстых журналах. Но вот мы недавно настоятельно рекомендовали рецензируемую тут книжку увлекающимся университетским филологам, а в ответ: «Оказывается, Горланова ещё и стихи пишет?!» До сих пор мало кто знает. «Мои стихи мне неподвластны, / А сами тянут за язык», — честно признаётся автор. И незря тянут. В их сети попадает всё подряд: от бытовых наблюдений до религиозных откровений, от разговоров с близкими людьми до впечатлений от прочитанного философического труда. Всё то, что раньше составляло основу авторской прозы, теперь стало ещё и базой декодировки реальности в результате неоднократной антологической поэтической рефлексии:

*Хотя бы раз прийти домой —
Сказать соседу: пол помой!
Но он пошлёт меня туда,
Где пол не моют никогда.*

Вроде бы, говорится про то же, что и в горлановской прозе. Но интонация смещает акценты в совсем другом направлении. Нет былой безысходности, чернушности, приземлённости. Это уже поэзия. То есть особый мир, который существует параллельно прозаическому, профанному, протяжному до невозможности в нём жить. Здесь иные законы:

*Прочёл чужой стишок —
И ты не одинок.*

Вся поэзия этого мира (не обязательно в виде стихов существующая) становится твоей частью. А ты становишься при этом частью поэзии. Дальше — больше.

*Хотела увидеть ангела,
Но увидела моль —
Что-то с моим зрением...*

Изыщная хайка (хокку), которая сделает честь любому философически настроенному дзен-мастеру. Противостояние прозаического и поэтического миров выливается в наглядное противопоставление летучих образов ангела и моли. Ироничный пассаж последней строчки лишает конфликт частого в таких случаях пафоса, вставания на цыпочки мессианства, пророчества, прочего. «Что-то с моим зрением», — констатация, на первый взгляд (каламбурно, однако). Но за этим встаёт такой мудрый стоицизм, что вся античная Академия идёт отдыхать в сень своих оливковых.

«Татьяна Бек считала, что мои поэтические корни растут из творчества Ксении Некрасовой. Я думаю, что скорее — из обэриутов. Смех сквозь слёзы — это моё», — итожит книжку поэтесса в попытке как-то обозначить свои координаты в литературном пространстве. Неслучайно она неоднократно признавалась в любви к одекаловским строкам (пермская арт-группа ОДЕКАЛ, — прим. редакции), часто их цитирует, самое популярное у неё —

из Олега Мичкова, которого она лично даже не знает, не смотря на очень пёстрый многолюдный мир знакомых:

*люди которые
меня окружают
меня окружили*

Что во многом отражает мироощущение самого цитирующего. Коллекционера человеческих нравов-типов-характеров, собирателя многолетнего литературного салона в собственной квартире, от многолюдности которого постепенно начинаешь уставать. Уходить во «внутреннюю Монголию», свой собственный мир. А вот такое трёхстишие:

*Снег идёт
На длинных ногах,
Перебиваемых птицами...*

Вполне представимо в каком-либо одекаловском сборнике. Или размышления на

тему «Почему волнует нас / Таракана синий глаз». Ни у Некрасовой, ни у ОБЭРИУ такого не встретишь. Во всяком случае, в чистом виде. Зато там может быть что-то в духе вот так:

*Розы с ходу
Дали в морду
Серости,
Неумелости.
Размахнулись кулачками,
Запах подняли, как знамя,
А листья и шипы –
Как Троицы щиты.*

Притом это вполне самостоятельный, узнаваемый горлановский мир, перекликающийся и с её прозой, и с её рисованием. Есть, конечно, оттого и минусы. Например, мне, как человеку не верящему ни в попов, ни в политиков, ни в неприкасаемых классиков, несколько раздражительно встречать в поэтических текстах все эти фэйсбук-феминизм-акафист (амитриптилин-парламент-пасха), а также слишком частотное мелькание фамилий из блогов, газет и телерепортажей. Но в целом это не самое главное.

Есть и технические минусы издания – одни и те же тексты в разных местах книги всплывают по несколько раз. Отчего возникает дискомфортное и для писателя, и для читателя ощущение дежавю. Мало авторских картинок, а они отлично дополняют тексты (есть лишь две на обложке). Но плюсов много больше. Стихи Нины Горлановой хороши тем, что соединили лучшее в остальных родах деятельности, свели в общем направлении, казалось бы, несводимое. Унесли нас в детские края, где возможно всё, потому что неизвестно ещё, чего не может быть, а что возможно. Здесь возможно всё.

Сергей Сигерсон